

Критика и библиография. Рецензии. История нового времени. «LA CORRESPONDANCE GENERALE DE J.-J. ROUSSEAU»

Автор: В. ИЗМАИЛЬСКАЯ

"La correspondance générale de J.-J. Rousseau". Collectionnée sur les originaux, annotée et commentée par Theophile Dufour. Paris. Librairie Armand Colin. 1924 - 1934. 20 volumes.

"Полное собрание переписки Ж.-Ж. Руссо". Сверил с подлинниками, снабдил примечаниями и комментировал Теофиль Дюфур.

В 1934 г. закончено издание выходившего в Париже последовательно в продолжение десяти лет двадцатитомного полного собрания переписки Руссо. Оно подготовлялось в течение шестидесяти лет ученым палеографом, директором архива и публичной библиотеки в Женеве, Теофилом Дюфуром.

Из XII книги "Исповеди" мы знаем, что Руссо имел намерение сам издать полное собрание своих сочинений. Целый ряд впервые опубликованных в VIII томе "La correspondance générale" писем раскрывает много подробностей, связанных с этим неосуществленным проектом. После бурной славы "Эмиля" издания сочинений Руссо стали без ведома автора появляться в Руане, Лионе и в Голландии. В Париже оно было предпринято Дюшеном с одобрения его покровительницы герцогини Люксембургской, распоряжавшейся его трудами, и с молчаливого согласия также покровительствующего ему цензора Мальзерба. Так проявлялось "благоденствие меценатов", которому пришлось покориться автору, потребовавшему лишь оговорки в предисловии о том, что издание выпускается без его участия. Ввиду создавшейся таким образом ситуации Руссо при жизни сам собрал, пересмотрел и систематизировал свои труды, за исключением последних шести книг "Исповеди" и собрания переписки, которую он начал также сам готовить. Впрочем, принимая во внимание положение философа в Европе, трудно было бы рассчитывать, на возможность опубликования переписки при жизни автора. Даже вольнолюбивый Марк-Мишель Рей в Амстердаме после сожжения "Эмиля" не решался взять на себя ее печатание. Сборнички же боевых писем, которые, также помимо автора, появлялись в печати в разгар его полемических споров, как например "Lettres de J. - J. Rousseau et autres pièces... à Londres et à Paris chez la veuve Duchesne" и "Exposé succinct des lettres de J. -J. Rousseau", изобиловали самыми недопустимыми ошибками, особенно в издании 1766 г., выпущенном Феличе, который в подражание Дидро издавал в Ивердене швейцарскую энциклопедию.

Приготовленное автором собрание сочинений вместе со всеми бумагами и письмами было передано им для издания одному из его друзей - Дю-Пейру из Невшателя. Вышедшее в 1782 г., уже после смерти Руссо, это первое полное собрание его сочинений легло в основу всех позднейших. Но в части, касающейся переписки, оно не могло отличаться полнотой.

То же приходится теперь сказать и о последующем издании собрания писем (1824 г.), тщательно обработанном частью по подлинникам, частью по копиям искренним почитателем Руссо - Мюссе-Пате (отцом поэта Альфреда де Мюссе). Все появившиеся в последние годы известные нам издания представляют собой лишь перепечатку этого для своего времени безупречного труда Мюссе-Пате.

Таким образом, рецензируемое полное собрание писем Руссо, потребовавшее для своего появления в свет новых розысков и нового пересмотра всего эпистолярного материала, связанного с жизнью и творчеством знаменитого женевского мыслителя, отделяется от предыдущего промежутком в сто лет.

Неутомимый строитель этого нового, замечательного памятника Руссо умер в 1922 г., оставив громадный сырой материал, заключающийся в 132 объемистых папках. Весь этот материал был уже после смерти Т. Дюфура подготовлен для печатания, сконструирован и дополнен продолжателем его дела современным руссоведом П.-П. Планом, который довершил монументальность здания, включив в него планомерно и письма к Руссо, также отчасти собранные Дюфуром. Кроме того П.-П. План присоединил к изданию и материалы, связанные с иконографией Руссо, затем портреты его современников, факсимиле и эстампы - всего в количестве 120 иллюстраций, из которых некоторые до того еще не появлялись в печати.

Это утроенное, по сравнению с выпущенным Мюссе-Пате, собрание писем пополнилось из накопившегося за столетие материала, разбросанного по разным Французским, английским, польским и русским журналам и отдельным работам исследователей (до 2 тысяч писем), частью же из вновь обнаруженных, впервые публикуемых находок, которые Дюфуру приходилось неустанно отыскивать не только в фондах Швейцарии - Женевы и Невшателя, - но по всем столичным и провинциальным городам Европы, а также у частных коллекционеров и на аукционах (до 600 писем).

Двадцать томов издания заключают свыше семи с половиной тысяч страниц (около двухсот семидесяти печатных листов) основного текста, кроме нескольких десятков страниц предисловий. В них опубликовано 4148 писем в основном тексте с добавлением приблизительно полусотни в приложениях к каждому тому.

Причем все письма, как и ранее появлявшиеся в печати, были тщательно выверены по автографам, черновикам, копиям и первопечатным текстам. В примечании к каждому публикуемому документу дается его история и палеографическое описание.

Не все публикуемые письма снабжены комментариями. Эти последние ввиду обширности основного текста, само собой разумеется, слишком отягчили бы все издание.

В комментариях строго делового и фактического характера большей частью даются краткие, но довольно исчерпывающие сведения о наиболее значительных участвующих в переписке адресатах. Иногда же целые страницы отводятся дополнительным изысканиям касательно неточных и запутанных датировок или выяснения личности некоторых корреспондентов. В некоторых случаях комментируются также кое-какие эпизоды, которые не могут быть ясны читателю только из переписки. Таковы, например, объяснения по поводу инцидента Руссо с графом Вьельгорским, которому он дал свои "Рассуждения о государственном устройстве царства Польского".

При каждом томе имеется свой именной указатель, где, кроме дат жизни и смерти каждого лица, даются в двух - трех словах и краткие биографические сведения о нем. Совершенно необходим общий указатель для всех двадцати томов, которого в 1934 г. еще не было.

В основу композиции этого грандиозного собрания положен тематический принцип, который и оправдывает себя, несмотря на то что такое расположение материала ведет к нарушению хронологической последовательности. По идее П. -П. Плана, каждый том должен представлять самостоятельный интерес для читателя, являясь как бы романом-биографией в письмах.

Таковыми темами, вокруг которых распределяется весь эпистолярный материал, являются либо история творчества того или иного произведения, - например тт. III, V, VIII, XI дают последовательно историю написания "Письма к д'Аламберу о театре", "Новой Элоизы", "Письма к парижскому епископу Христофору Бомону" и "Писем с горы", - либо история публикации и откликов на то или иное произведение в обществе, например тт. IV, VI, IX и XII - в отношении к перечисленным выше произведениям. Том VII посвящен появлению в печати двух важнейших произведений Руссо: "Общественного договора" и "Эмиля" - со всей запутанной историей их параллельного издания в Париже, у Дюшена, и в Голландии, у Неольма. Эти произведения, как известно, и вызвали постановление парламента о сожжении "Эмиля" и аресте его автора. Частично пострадавшим оказался и Неольм. Во избежание крупного штрафа он вынужден был выпустить под редакцией вполне благонамеренного аббата Mr. Formey новую книгу "Le

véritable Emile, consacré à L'utilité publique". (Amsterdam. 1763), исправленную в духе христианского воспитания Эмиля.

Определенные моменты биографии писателя, как годы изгнания и политической борьбы, проведенные в Мотье (т. X), бегство из Мотье (т. XIII), перипетии переезда в Англию (т. XIV), ссора с Давидом Юмом (тт. XV и XVI), новые скитания, "Исповедь" и женитьба Руссо на Терезе Левассер (т. XVIII), как и последние восемь лет пребывания в Париже, всецело посвященные занятиям музыкой и ботаникой (тт. XIX и XX), также служат содержанием отдельных томов.

Полон драматизма и внутренней напряженности XVII том, на страницах которого дружба Руссо с будущим издателем Дю-Пейру разрешается острым конфликтом. В счет будущего издания Руссо получил от Дю-Пейру авансом 2400 франков из пожизненной ренты в 1600 франков в год, которую издатель, согласно договору, должен был ему выдавать. Не желая вследствие размолвки и подозрений со стороны того, кого он считал своим ближайшим другом, оставаться его должником, Руссо на другой же день после происшедшего в погашение взятой суммы передает ему письменный документ с правом на все свои сочинения, бумаги и рукописи, включая сюда еще не оконченную "Исповедь". К этому он еще добавляет сумму, пожертвованную ему для издательского фонда его другом и покровителем в годы изгнания - лордом-маршалом Кейтом, оставив себе лишь пожизненный с нее доход в 600 франков ежегодно. Таким образом, он обрек себя в последние годы жизни на жалкое существование, добывая по-прежнему перепискою тот свой кусок хлеба.

Могут возникнуть некоторые вопросы относительно правильности отбора корреспонденции, адресованной Руссо, которая, вообще говоря, может быть доведена до весьма почтенных размеров. Но и в данном случае редактор "La correspondance generate" сумел удержаться в границах должного. В этом вопросе нельзя было исходить только из значительности имени самого корреспондента. Многие из таких публикаций, которые на первый взгляд кажутся сами по себе малозначащими, интересны уже потому, что до сих пор были известны лишь ответные на них письма Руссо. К примеру укажем на забавные, но искренние письма юного историка Perrin'a который обсуждал вопрос о том, на каком языке говорил Адам. Что же касается целого ряда других новонайденных писем и даже целых связок публикуемых здесь корреспонденции к Руссо, то их нельзя рассматривать иначе, как необходимый дополнительный материал к изданию. Таковы письма старого друга Даниэля Рогена, с которым связаны годы первых лет пребывания Руссо в Париже и годы изгнания. Письма эти были предоставлены П. -П. Плану в 1929 году одним из правнуков Д. Рогена, живущим и ныне в Мотье.

То же можно сказать о связке найденных в 1924 г. писем другого близкого Руссо лица, земляка-женивца, политического эмигранта Лениепса, жившего в Париже. В письмах этого последнего, с одной стороны, отражены социальная и литературная атмосфера современного Руссо Парижа с переплетом сложных отношений к нему энциклопедистов и гольбахистов, так же как и литературные дела самого Руссо. С другой стороны, в них рисуется обстановка первых классовых конфликтов между нарождавшейся, передовой в те годы женевской буржуазией и аристократической правительственной партией, подвергавшей новым преследованиям парижского изгнанника.

Сюда же надо отнести письма художника Куанде (обнаруженные в фондах Невшательской библиотеки в 1922 г.), преданной ему мадам де Верделен и письма Марианны Латур-де-Франкевилль, оставшейся до конца жизни восторженной поклонницей Руссо, и др.

Значительным вкладом в издание являются открытые также в фондах Невшательской библиотеки в 1929 г. корреспонденции друга Дю-Пейру (более 50) и переписка издателей сочинений Руссо - Гюйи в Париже и Рейя в Голландии, освещающая всю сложную процедуру не только самого издания, но и пересылки и правки корректур, затрудненных тем, что автор находился далеко от места печатания и часто получал свою корреспонденцию либо с оказией либо на чье-нибудь другое имя (того же Д. Рогена, жившего в Ивердене). Эти же письма дают картину денежных отношений автора с издателями, которые немало наживались на его трудах. На "Новой Эло-изе" Рей, его друг и единомышленник, заработал 10 тысяч ливров, а за "Письмо к д'Аламберу о театре" им было выплачено автору 2160 франков.

Гюйи (как и Рей) пересылал также Руссо книги для его библиотеки, перечень которых он всегда приводит.

Кроме писем к Руссо в издание включена переписка его корреспондентов между собой, например Мальзерба с д'Аламбером, лорда-маршала с Дю-Пейру, сторонников Вольтера друг с другом, письма д-ра Троншена к пастору Якову Верну и того же Троншена -называющего Вольтера "разоблаченным гением", а Руссо - "злым безумцем", - к натуралисту-педагогу Шарлю Бонне; здесь же обвинительное письмо короля прусского к невшательским пасторам, забросавшим Руссо камнями, и многие другие.

Приведены также письма тех адресатов, имена которых встречаются в "Исповеди". Например письма Маржанси с предложением ежемесячного оклада в 800 ливров за постоянное место рецензента в одном научном журнале, от которого Руссо отказался; письма корсиканца Буттафуко, убеждавшего Руссо составить для его страны конституцию, и др.

Вообще параллелизм этого полного собрания переписки Руссо с "Исповедью" следует также оценить должным образом. По идее Т. Дюфура, оно является лишь подготовкой к будущему полному, освещенному документальными комментариями опубликованию этой исключительной автобиографии великого человека. К примеру укажем, что IX том этого собрания, связанный с публикацией "Письма к парижскому епископу Бомону" и борьбой Руссо в рядах партии, носившей название "народной", является не чем иным, как таким комментарием к глухому и краткому повествованию самого автора, изложенному на двух-трех страницах "Исповеди".

Исключительное значение, несомненно, имеют новонайденные письма самого Руссо, как письма его Д. Рогену - до двадцати писем, - Лениепсу, Дю-Пейру, Куанде, мадам де Верделен и др. (свыше десяти писем к каждому из поименованных корреспондентов), а также к издателям и книготорговцам: Гюйи, Дюшену в Париж, Рейю в Амстердам, Вьессе в Женеву. К числу неожиданных ценностей надо отнести восемнадцать новых автографов Руссо, найденных в архиве графа Монтегю, бывшего французским посланником в Венеции. Они дополняют картину нелепых взаимоотношений Руссо с этим бездушным человеком, о столкновениях с которым имеется упоминание в VII книге "Исповеди". Руссо мог лишь в течение одного года (1743 - 1744) оставаться его секретарем, что дало повод Вольтеру в одном из новонайденных писем язвительно отзываться о нем как о "выгнанном лакее графа".

Особо счастливой находкой являются девять писем к мадам д'Эпинэ, имя которой сплетено с историей разрыва Руссо с энциклопедистами - Дидро, Гриммом и д'Аламбером. До сенсационного открытия английской исследовательницы Фредерики Макдональд, обнародованного ею в 1898 г. (ее книга об этом - "La legende de J. -J. Rousseau" переведена на французский язык в 1909 г), эти письма были известны лишь по публикации их в "Мемуарах" мадам д'Эпинэ. Разногласия великих современников освещались в них односторонне, а образ действий Руссо выставлялся прямо-таки бесчестным. Открытие английской исследовательницы разрушило эту существовавшую столетие легенду, ибо реальность свидетельств мадам д'Эпинэ оказалась "бутафорской": на рукописи, с которой эти мемуары печатались, были обнаружены следы подчистки и искажений автографов Руссо, сделанных руками Дидро и Гримма.

Публикуемые впервые Дюфуром новые подлинники писем Руссо к мадам д'Эпинэ имеют документальную достоверность и в соединении с данными Фредерики Макдональд должны заставить современных исследователей переоценить взаимоотношения Руссо с энциклопедистами и пролить свет на считавшиеся до сих пор не обоснованными брошенные им обвинения в "Исповеди".

Подобное полное собрание писем следует уже рассматривать как новое произведение писателя, в свете которого необходимо заново пересмотреть его воззрения. Эти письма обнимают целые пятьдесят лет жизни Руссо и открывают возможность по-иному ознакомиться с целыми циклами также и других его взаимоотношений - с кругом Вольтера, экономистов в лице отца-Мирабо, Юмом и другими современниками. Они раскрывают истинный облик Руссо - человека, Руссо-мыслителя и Руссо - гордого плебея. Они делают "Исповедь" действительно исключительным по своей искренности и правдивости документом.

У нас в СССР эпистолярное наследство Руссо вообще мало известно. Большинство из переведенных на русский язык писем публиковалось целиком или в отрывках лишь в работах отдельных исследователей по тому или иному вопросу, связанному с жизнью и учением Руссо. В отдельном же издании в 1783 г. появились в русском переводе только четыре письма его к цензору и директору книжной торговли во Франции, уже упоминавшемуся нами Мальзербу. Это те пламенные и пространные его послания по поводу "Эмиля", которые по существу в сжатом виде заключают в себе изложение его доктрины. В XI книге "Исповеди" Руссо рассказывает, как он "в один присест и без помарок" написал их в январе 1762 года. Уникальный экземпляр этого издания, хранящийся в музее книги при Публичной библиотеке имени Ленина в Москве, не может, конечно, приниматься в расчет.

Но теперь, после выхода этого парижского издания "Переписки", явится возможность ознакомить и советского читателя если не с полным ее собранием, то хотя бы со сборником избранных писем.